

Сегодняшний ужин был особенно сытным: свежие рёбра дикого кабана тушились с рассыпчатым картофелем, аромат мяса раскрылся ещё сильнее благодаря бадьяну и сычуаньскому перцу. Добавили и немного дикого боярышника, чтобы мясо стало мягче, а вкус приобрёл лёгкую кисло-сладкую нотку.

На столе стояла ещё и большая миска шкварок: сало и жир с туши не пропали даром - Бянь Хун добавил в котёл немного воды и медленно вытапливал всё на открытом огне, получая запасы топлёного жира, которых хватит на целую зиму. Шкварки получились хрустящие, ароматные, но он не дал детям съесть их слишком много, желудки Юаньдина и Гуаньбао ещё не могли так сразу справиться с тяжёлой, жирной пищей.

Мальчишки жадно тянулись к еде, но сдерживались. В итоге оба уселись у очага на корточки, вытянув шеи к котлу, в котором медленно булькало мясо. Они посасывали пальцы, глядя во все глаза, как густой, наваристый пар с шорохом вырывается из-под крышки, заполняя ароматом сначала кухню, а потом и весь двор, затерянный в горах.

Запах еды на миг стирал всё, забывался близящийся ледяной декабрь, воспоминания о недавних годах голода и лишений.

Люди, прежде совершенно незнакомые и пришедшие из разных мест, по воле случая и переплетения судеб оказались за одним столом, деля между собой эту горячую, дымящуюся вечернюю трапезу. Целый огромный котёл картофеля с кабаньими рёбрами, а также лепёшки, наклепанные по всей окружности котла, были съедены подчистую, не осталось ни крошки. Аппетит Жун Фэна по-настоящему поразил Бянь Хуна.

А сам Жун Фэн, уплетая за обе щёки, думал о том, что, когда выдастся свободное время, непременно стоит снова подстрелить дикого кабана. Он и представить себе не мог, что жёсткое, суховатое кабанье мясо можно приготовить так вкусно и так тонко.

Обглоданные кости тоже не выбросили, их оставили на завтра, чтобы сварить бульон: и старикам, и детям нужно подкрепиться, да и его ране не помешает питание. Бянь Хун мыл посуду, раскладывал котлы и миски, а в голове уже прокручивал, что приготовить в следующий раз. Нужно думать о зиме, о запасах, о том, как прокормить пятерых человек под этой крышей. Сейчас у Бянь Хуна было много забот.

Его день оказался заполнен до краёв. Когда исчезла постоянная угроза голода и смерти, у него даже стало не хватать времени и сил, чтобы возвращаться мыслями к боли и прошлому. Даже те ночные часы, когда он обычно молча разбирал себя по частям, теперь регулярно прерывались из-за того, что Гуаньбао то и дело мочил постель.

Раньше, во времена бегства от голода, о чистой воде можно было только мечтать, не говоря уже о том, чтобы спать в сухом месте. Ночевали где придётся - под открытым небом, на голой земле, и справлять нужду детям позволяли прямо там, где настигало желание. Когда нельзя было быть уверенным, доживешь ли до следующего дня, никто и не задумывался, мочится ли ребёнок во сне.

Вот так и получилось, что никто из братьев до сих пор не замечал привычки Гуаньбао, пока однажды ночью, после «великого потопа», Бянь Хун не вскочил из влажного, парящего жаром одеяла. В полусне, ощутив под собой липкую теплоту, он испугался не на шутку: первой мыслью было, что у Жун Фэна снова открылась рана, и всё это кровь. В голове моментально пронеслись мрачные, тревожные картины, и с побледневшим лицом он через двух детей переполз к мужчине и резко дёрнул того за плечо, заставляя встать.

Жун Фэн, привыкший ко всему на свете, к перемене погод, к слякоти, к болотам, где мог спокойно спать, не обращая внимания на сырость, в этот момент спал крепко, даже не подозревая о переполохе. Но, проснувшись от резкого рывка, он с удивлением увидел, как обычно старающийся держаться от него на расстоянии целого двора маленький ланьцзюнь вдруг в лунном сумраке с размаху бросается к нему. И не просто бросается, а, не сказав ни слова, принимается торопливо срывать с него одежду с плеча. Жун Фэн тут же покраснел до корней ушей, совершенно не понимая, что происходит, и, сбитый с толку, заикаясь, пробормотал:

— Ты... ты... э-э... это как-то... совсем не...

Ещё до того, как Жун Фэн успел договорить свою сбивчивую фразу, его одной рукой резко дёрнул Бянь Хун. Мужчина опёрся ладонью о лежанку и тут же раздался влажный, липкий звук.

Он застыл. Поднёс ладонь к лицу, понюхал... и надолго замолчал.

Бянь Хун тоже, глядя на вполне бодрого и краснощёкого мужчину, понял: явно это не кровь, и точно не смертельная рана. Он тоже, машинально, поднёс пальцы к носу и втянул воздух.

...

Комната, едва затихшая, снова ожила: среди ночи в доме загорелся огонь, начали разбирать постели, вытаскивать матрасы, выносить на проветривание. Шума хватило, чтобы даже мать Жун насторожилась. Узнав, в чём дело, она лишь усмехнулась, покачав головой, и с мягкой снисходительностью сказала:

— Перед сном посадите на горшок. Малыши, они такие, не уследишь, особенно если устали.

Бянь Хун даже вскипятил воду и как следует вымыл обоих мальчишек, вымоченных неизвестно сколько времени. Те еле держались на ногах, зевая на весь рот, но после того как их вытерли насуху и снова уложили, уснули мгновенно - растущий организм требовал сна.

А двое взрослых мужчин остались у очага, сидя напротив медленно остывающей кадки с водой. Пламя едва освещало стены, потрескивало, согревая комнату.

Бянь Хун первым нарушил тишину. Вздохнув, сказал просто:

— Придётся... обойтись как есть. Помойся пока, как можешь.

— К-как... мыться-то? — спросил Жун Фэн, всё ещё слегка смущённый.

— Обтереться, — просто ответил Бянь Хун.

Ему казалось, что с того момента, как Жун Фэн проснулся этой ночью, с ним творится что-то странное, как будто немного не в себе. А что ты хочешь с одной небольшой миской воды посреди ночи? Конечно, просто обтереться, не детей же вымывать заново, они-то в луже лежали, а их двоих почти не задело.

Мужчина снял верхнюю одежду, взял влажную тряпку и, отвернувшись от Бянь Хуна, молча стал вытираться. Тот, уловив свет от огня, скользнул взглядом по его обнажённой спине, задержавшись на плече. Рана не только не раскрылась, она уже покрылась свежей, ровной тканью новой кожи. Такая регенерация, такая крепость тела вызывали у Бянь Хуна неосознанное восхищение и зависть.

Он хотел было продолжить смотреть, но вдруг заметил: уши у Жун Фэна едва заметно покраснели. Бянь Хун спокойно отвёл взгляд. Наверное, просто отблеск от пламени, подумал он.

А всё это лишь незначительный эпизод на фоне насыщенной, наполненной каждодневной заботой жизни.

Пока не пошёл снег, Жун Фэн тщательно перебрал принесённые из гор травы, аккуратно рассортировал их. Всё, что можно было заготовить своими силами, он высушил, измельчил, упаковал. Оставшиеся, требующие особой обработки, отложил. Потом отнесёт в аптеку, сдаст за деньги. Травы на рынке стоят дороже, чем шкуры животных, но и найти их куда труднее. Самые ценные растут на обрывах, утёсах, в местах, куда почти никто не добирается. Каждая удачная находка как благословение. А деньги, что он выручит за эти редкие травы, у него уже были предназначены для одного дела.

Близился Новый год. Всё нужно приготовить заранее, иначе, как только горы завалит снегом, спуститься вниз будет уже не так-то просто.

В последнее время мать Жун чувствовала себя немного лучше, а Юаньдин уже мог присматривать за домом, поэтому Жун Фэн решил взять с собой Бянь Хуна: вместе они поедут продавать травы и закупать новогодние припасы. Покупатель на травы у него был постоянный, но жил далеко. Жун Фэн бросил взгляд на молчаливого Бянь Хуна рядом. К счастью, оба умеют ездить верхом.

Всю дорогу Бянь Хун ехал позади, не проронив ни слова. Потому что дорога, что тянулась вдоль горных хребтов, была ему слишком знакома. Совсем недавно он сам, ведя за руку братьев, в страхе и отчаянии пробирался по этим диким, безлюдным тропам, вырываясь из лап голода и холода. И лишь когда они пересекли подножие безжизненной горы Мэмэн и постепенно вышли туда, где начинались первые признаки жизни, где вновь появлялись деревни и люди, Бянь Хун в полной мере осознал - бедствие всё ещё не ушло. На дорогах, у обочин, на привалах, везде встречались люди с измождёнными лицами: дети с впалыми глазами, старики с желтоватой, истощённой кожей.

К счастью, несмотря на нехватку еды, с одеждой здесь было не так плохо. Почти всё, кроме зерна, можно было достать, люди не замерзали насмерть зимой. И, главное, у них был совсем другой взгляд, другое внутреннее состояние, не такое, как у тех, кто бежал от бедствий. Они находились на родной земле, той, где жили их отцы, деды и прадеды, где каждый камень, каждый клочок поля был знаком. У них были руки, у них была земля и, если удастся пережить эту зиму, то весной, когда зазеленеют ростки, когда саженцы войдут в почву, появится и надежда.

Простые люди ждали только одного - чтобы был хороший год, чтобы был дождь, был хлеб, а в стране были мир и спокойствие.

Бянь Хун проезжал мимо разбросанных деревень, мимо пересекающихся горных хребтов, мимо того самого полуразвалившегося храма, что когда-то стал укрытием для него и двух братьев. Тогда же, в ту ночь, он и этот человек, сейчас идущий впереди верхом с такой спокойной уверенностью, грелись у одного и того же костра. Связь между людьми странная, сложная, непредсказуемая. Никогда не угадаешь, кого сведёт с тобой дорога, и куда этот поворот заведёт потом.

До наступления темноты Жун Фэн натянул поводья и остановил коня у входа в небольшую аптеку. Он ловко спрыгнул с седла, взвалил на плечо мешок с травами и направился внутрь. Бянь Хун в этот момент вспомнил, как старый лекарь, с которым они встретились раньше, говорил: если не успеть к нему, то во всей округе не найти больше места, где лечат по-настоящему.

Слова старого лекаря тогда оказались правдой, ведь вот он, снова переступает порог той самой аптеки. Именно отсюда когда-то и начался его путь: старик подарил ему карту, благодаря которой Бянь Хун смог найти дорогу к дому семьи Минь. За это он так и не поблагодарил его как следует.

В преддверии зимы у большинства людей все сбережения уходили на покупку зерна, и лавка была почти пуста, торговля шла вяло. Старый аптекарь, увидев входящего, сразу узнал в закутанном с ног до головы мужчине Жун Фэна. Без лишних церемоний пригласил его сесть, предложил чаю - видно было, что они давно знакомы.

А когда следом в дверях появился Бянь Хун, лекарь пригляделся. Одет уже иначе, чисто, аккуратно, хотя всё ещё худощав, тонок. Он долго смотрел, пока наконец не хлопнул себя по лбу:

— Эй, так я ведь помню тебя! Ты ж ко мне с детьми приходил, лечиться! Ну что, нашёл дом-то?

Бянь Хун кивнул и, сложив руки в знак благодарности, сказал:

— Благодарю за ту карту.

Старик отмахнулся:

— Пустяки, делов-то. Так чего теперь пришли? Дети-то поправились?

В этот момент Жун Фэн, державший в руках чашку, подошёл к Бянь Хуну и молча подал ему чай. Старик, прищурившись, перевёл взгляд с одного на другого... потом снова обратно. Несколько мгновений наблюдал их молчаливую, но непринуждённую близость, и вдруг, весело хохотнув, провёл рукой по своей белоснежной бороде.

— Слушай-ка, мальчишка, так вот кто это - твой новый фулан! — рассмеялся старик. — Что, молодожёны пришли ко мне за свадебными дарами?

Жун Фэн, услышав шутку старика, тут же схватил мешок с травами, делая вид, что сейчас уйдёт.

Старик сразу сменил тон:

— Эй-эй-эй! Не злись, не злись, всё, молчу, молчу. Эти травы я уж давно жду, давай, клади, клади.

Потом ещё пробурчал себе под нос:

— Вот ведь, холодный и молчаливый как камень, а как фулана касается, прямо впрягся по-настоящему.

Бянь Хун поперхнулся чаем, он всё ещё не привык к своему «новому положению». Но, подумав, решил, что и привыкать незачем. Ведь это положение, навязанное чужой фамилией, продлится лишь до наступления весны и закончится. Люди приходят и уходят, мелькают, сталкиваются, расходятся, а в итоге, на изломе пути, каждый всё равно остаётся один.

Одиночество - вот единственная неизменная тема человеческой жизни.